

# JARRE

# Стыд

COPYRIGHT © 2004 G.A.JARRE. ALL RIGHTS RESERVED.

Для обложки использован фрагмент работы Рольфа Бруннера «Давление» ([ROLF BRUNNER, DRUCK](#)).

Любое изменение этого текста, а также воспроизведение его в коммерческих целях может осуществляться только с согласия автора.

E-MAIL: [JARRE@VASAROS.COM](mailto:JARRE@VASAROS.COM)

*Господи, дай мне спокойствие принять то, чего я не могу изменить, дай мне мужество изменить то, что я могу изменить, и дай мне мудрость отличить одно от другого \**

## 1.

Первое, что он увидел – была рыхлая, мутно-белая масса с мелкими чёрными и сверкающими вкраплениями по всей толще, что неумолимо надвигалась на него, грозя придавить, задушить, расплющить. Он судорожно вдохнул, масса внезапно отпряла – и превратилась в белый, чуть покачивающийся, но достаточно надёжно висящий на месте потолок. Выдохнув с облегчением, он опустил взгляд. Впереди потолок смыкался с бледно-жёлтой стеной, чуть ниже из стены торчал коленчатый металлический рычаг, держащий выключенный телевизор. В такой же жёлтой стене слева, через приспущенные жалюзи пробивалось в окно ленивое солнце. Лето, ранний вечер, решил он. Справа – приоткрытая белая дверь со смотровым окошком. Он скопился через плечо влево – ряды приборов, штатив с капельницей, тонкий шланг уходил вниз – туда, где невыносимо – как он не замечал этого раньше? – чесалось в изгибе локтя. Справа – тумбочка, на ней – стакан воды, пара ящиков с кнопками, тумблерами и мерцающими экранами на стене. Возле кровати – стул: металлический каркас, белое сиденье. Безлико и стерильно. Больница. Ему вспомнился неожиданно надвинувшийся из темноты

бок грузовика, лязг, скрежет, потом – темнота, чужие озабоченные лица над ним, торопливые, невнятные приказы, и несущийся над ним ряд – фонарей? Ламп? Потом – сразу нахальный потолок. И всё. Он опять закрыл глаза. Самое главное – не терять самообладание. Видимо, он попал в аварию, теперь в больнице...

Еле слышно скрипнула дверь, вместе с шорохом шагов к нему приблизился аромат, прозрачный и неназойливый, до боли знакомый, родной, любимый – вот только бы вспомнить, чей. Нет. Ничего. Между тем женщина села на стул рядом с кроватью, подняла его руку, поцеловала костяшки пальцев, обняла его второй рукой и положила голову ему на грудь, не выпуская его кисти из своей. Он скосил глаза под прикрытыми веками – рыжие кудри, длинный тонкий веснушчатый нос, потрескавшиеся, пересохшие губы, опухшие от слёз веки. Господи, как же её зовут-то?! Ведь он же её знает, знает – всю свою жизнь знает и нет у него человека ближе, по крайней мере сейчас – но в памяти вертелись, перемешиваясь и сливаясь до неузнаваемости, мутные, бестолковые, беспомощные образы... Он крикнул – от злости, от бессилия – женщина подняла голову, посмотрела ему прямо в глаза. Её глаза были серо-зелёными – он знал это – знал!

– Здравствуй, – улыбнулась она, и он прохрипел, не сдержавшись:

– Кто... ты?

Облегчение и радость в зелёных глазах погасли, дрогнули и опустились уголки губ, на лице появилась недоумение, тревога, печаль...

– Аня...

– Мы... мы давно... знакомы?..

– Давно... всю жизнь...

Да, это он тоже знал. Аня, Аня, Аня, – проворачивал он мысленно. Аня, Аня – подруга? Больше. Сестра?! Нет! Только не это! Он знает её иначе, гораздо ближе – в этом он уверен. Ну, конечно, конечно же! Как же он не догадался-то сразу!

– Я же-

– Подожди! Не говори! Дай мне вспомнить!

Она замолчала, не сводя с него глаз. Её рука сжала его пальцы до боли, но он уже не замечал ничего, по щенячьи, по детски радуясь возвращению памяти.

– Жена! Ты – моя жена! Правильно?

Она закрыла глаза, размышляя, что-то мучительно решая...

– Что-то не так? – забеспокоился он.

– Ты помнишь, как тебя зовут?

Мысли его споткнулись и застыли. Нет. Он не помнил. Он и про жену-то не помнил – просто угадал. Или ему так хотелось, вот он и выдумал прямо на месте. Очень хотелось. Кажется, он ехал именно к ней, к Ане. Да-да, так оно и было. Кажется. Наверняка. Именно так. Аня горько усмехнулась, прошептала задумчиво:

– Милый мой, милый...

– Ну? Дальше!

– ...Алекс. Александр... – И замолчала.

– Дальше, дальше! – Подгонял он. – Не останавливайся. Особенно про жену не молчи.

– Алекс, я даже не знаю где начать.

– Всё равно, где. Самое главное я и так уже вспомнил.

Брови её удивлённо поднялись, и на лицо вернулась улыбка, измученная, но – улыбка, и он притянул её к себе, жадно вдохнул аромат – родной, желанный, – зашептал ей в ухо:

– Я люблю тебя...

\*

К тому времени, когда Алекс покинул больницу, он уже знал, что зовут его Александр Джеймс Триллиан, 39 лет, канадский подданный, переквалифицировавшийся в издателя журналист, звезданувшийся лбом о стекло машины при аварии по дороге из Венского аэропорта – таксист не терял ни сознания, ни памяти и назвал адрес, по которому должен был доставить своего пассажира – пристёгиваться надо было, и все дела. Так нашли Аню. Анна-Мария Шёнбах, 43 года – его подруга, точнее, любовница. На «почему не жена» Аня ответила, что оба они уже были в браке с другими, у обоих кончилось это безрадостно, повторять не хотелось. Он долго пытался вспомнить имя своей бывшей жены, но оно провалилось в чёрную глухую бездну, окутавшую всё, что касалось его личности – как будто кто-то очень аккуратно и последовательно выбурил в его мозгах скважину, напрочь отделив имена, даты, названия от лиц и мест, от зыбкого ощущения «я», от чувств, испытанных и испытываемых неизвестно по какому поводу, неизвестно к каким людям. Рассказы Ани перекидывали тонкие мостки через бездну между этим безымянным, витающим в пустоте «я» и действительностью, настоящей и прошлой. Он решил не морочить себе голову фактами, очевидно никак не связанными с его текущей жизнью – вспомнить бы то, что нужно сейчас.

Сейчас была Аня, полгода назад получившая работу в Венском офисе ООН – не без помощи своего бывшего сокурсника, заметила она, но Алекс считал её достойной и без посторонних рекомендаций – как выяснилось, после учёбы в Швейцарии и в Австрии, Аня владела английским, французским, немецким и итальянским языками в совершенстве, и в некоторой степени – русским, взятым ею факультативно во время учёбы в Венском университете, специальность – филология, дополнительные специальности – библиотекарь, архивариус, переводчик. Пока она рассказывала, Алекс заметил про себя, что надо бы непременно расспросить, когда она это всё успела. И был он, Алекс Триллиан, который решил последовать за Аней в Вену, оставив работу в Эдмонтоне, сдав внаем местному лесничеству дом посреди живописного лесного ландшафта недалеко от Вестлока. Он вспомнил этот дом – нетёсаный камень, два этажа под черепичной крышей, массивные двери и ставни – он вспомнил даже скрип открываемой двери, деревянный пол прихожей, слева от входа – лестница вверх, справа – двустворчатая дверь в гостиную-библиотеку-столовую, прямо – дверь в кухню. Он вспомнил дощатые ступеньки, ведущие на галерею, откуда... оттуда... – нет, это пока не всплывало. Алекс обнаружил, что помимо французского и английского – для канадца невелика заслуга – понимает и по-немецки, а название города – Вена – отзывается в нём щемящей, болезненной... радостью. Он поделился с Аней своим открытием.

– Ты учил немецкий, чтобы навестить меня здесь, – сказала она, – и приехал. Это было давно, 20 лет назад.

Навязчивые, но лишённые фокуса фасады и улицы, звуки и запахи встали вдруг на место.

– Это было зимой, правда? – Переспросил он.

Да, это было зимой, перед Рождеством. Он вспомнил, как дул на руки, дрожащие то ли от холода, то ли от волнения, пока ждал ответа у домофона у наружной двери, подбирая слова – сами слова затерялись во мгле – как ворвался в подъезд, даже не удивляясь тому, что зуммер загудел безо всяких вопросов, как стоял недоумевая лицом к лицу с незнакомой девушкой, как из глубины квартиры (Wohngemeinschaft, – подсказала ему растревоженная память, – студенческая коммуналка) раздался Анин голос, как он оказался перед ней, опустив глаза в тревоге и ожидании, как она подошла к нему, невообразимо медленно... Аня так и не пошла на вечеринку, куда она собиралась в тот день, соседка её по коммуналке исчезла – они не заметили, когда, – он вспомнил даже, как подшучивал над Аниным искусным макияжем, не устоявшем под его поцелуями... Потом были поездки в фиакре через размазанный в морозном тумане мерцающий и переливающийся свет гирлянд, прогулки по рождественскому базару перед ратушей, в плотной волне ароматов ванили, корицы, рома, табака, печёной картошки и горячих каштанов, конного навоза и хвои вокруг гигантской ёлки посреди базара, в балаганном звоне каруселей, во всплесках хохота и отрывках разговоров... Зимняя сказка, пронизанная грустью неизбежного конца...

– Я уехал, да?

– Ты уже начал учиться в Эдмонтоне. Поначалу ты хотел вернуться и продолжить учёбу в Вене, но через некоторое время ты встретил Эмили...

– Эмили... моя жена? В смысле, бывшая?

– Да.

К имени «Эмили» не прилагалось лица, но прилагалось чувство стыда. Гадкое, разъедающее чувство – стыд и беспомощность. Бессилие против того, за что ему было мучительно стыдно.

– Я ей изменял... с тобой?

Аня кивнула и отвела глаза к окну, закусила нижнюю губу.

– И поэтому развёлся?

– Да.

Он решил, что для начала выгреб достаточно хлама из прошлого. Настоящее важнее. По крайней мере, пока.

\*

В настоящем появился тот же самый дом, где когда-то располагалась коммуналка, и квартира двумя этажами выше старой, с огромной зелёной террасой со стороны двора, с которой виднелись крыши окружающих домов, над ними вдали слева – колесо Пратера, за городской дымкой справа впереди – пик Штефансдома, справа позади – двойной пик Вотивкирхе. И дома, и улицы изменились – или он основательно их подзабыл, что неудивительно, он много чего... *подзабыл*.

В настоящем предстояло позаботиться о хлебе насущном. Не важно, что Аня сказала, он-де может подыскивать себе работу по вкусу сколь угодно долго, материально они обеспечены благодаря её высокому жалованью и ежемесячной плате за дом, – он не хотел сидеть у неё на шее. На соседнем перекрёстке в окне бюро путешествий он увидел объявление о вакансии и решил зайти. Как-никак, а парой языков он владел, и наверняка владел стандартным туристическим софтвером – последняя уверенность возникла из ниоткуда, надёжно расположилась в голове и потянула за собой хоть и

разрозненные, но многочисленные сведения об истории и географии северной и южной Америк. Владелица бюро начала его расспрашивать, кто он и откуда, чем занимался, и спохватившаяся память прилежно выдвигала ответы: Альберта-университет в Эдмонтоне, курс политических дисциплин, с факультативным курсом истории Канады, дипломная работа по истории и культуре иннуитов, потом корреспондент географического ежемесячника, редакция, издательство... Владелица поинтересовалась, почему он – с такими-то данными – не ищет работу попрестижнее, чем клерк турагентства. «Я, собственно, приехал вслед за женой, но три года – столько ей тут служить – маловато, чтобы думать о серьёзной карьере». Перед словом «женой» он замялся, фраза прозвучало фальшиво и воспринята была, как явная отговорка. Причины недоверия владелицы турбюро Алекса не волновали. Намного больше его растревожила собственная неловкость. Он размышлял об этом по дороге домой, вооружённый приглашением начать работу со следующей недели. Откуда это гадливое ощущение лжи? Он проворачивал снова и снова произнесённые слова и связанные с ними воспоминания. Университет, лекции, поездки, сокурсники, коллеги... Эмили. Милое, доброе, доверчивое лицо, простоватое – и тем обезоруживающее – лицо вдруг обрело имя. Эта женщина была его женой, ей обещал он любовь и верность – и оболгал её в конце концов. Равно как и Аню, судя по всему. Может быть, отсюда этот тёрпкий осадок? Но ведь всё позади... было бы, если бы ему не пришлось вспоминать и укладывать, утрясать всё заново... Справедливость восстановлена, не так ли?

Он расположился на террасе с кофе и пачкой газет и писем из почтового ящика. Vienna Courier, Falter, Der Standard, счета, письмо на имя Ани с адресом, написанным от руки: крупный, почти детский почерк. Знакомый. Уже догадываясь об отправителе, он перевернул конверт. Эмили Триллиан, Скона Род, Эдмонтон, Канада. Просторная квартира в престижном месте, балкон, смотрящий вверх парка на реку. Огромные окна без занавесей и чётко очерченный силуэт Эмили на фоне горящего в закате стекла, горькие негромкие слова, невесть откуда присоединившиеся к фигуре. «Меня это не устраивает... Я не могу быть тебе сестрой – я люблю тебя. Поэтому – уходи. Не мучь меня, Алекс». Сестра?...

За спиной его открылась дверь и приблизились Анины шаги.

– У меня есть сестра? – Спросил он, не оборачиваясь. Аня молчала, только вздохнула, и он посмотрел на неё через плечо, отметив мимоходом, что руки её дрожали.

– С чего ты это взял? – Ответила она глухим голосом.

– Вспомнил, как меня выгнала Эмили. Есть или нет?

Аня присела к столику напротив него, отвела взгляд на крыши, лишённые теней под послеобеденным солнцем.

– Аня?

– Нет.

Внезапная решимость её сбила его с толку.

– Тогда откуда...

– Ты часто говорил, что твоя жизнь была бы намного легче, если бы Эмили оказалась твоей сестрой. – Теперь Аня смотрела прямо ему в глаза.

– Легче? – Удивился он.

– Ты её любил... как сестру. Она очень хороший человек, твоя Эмили. После всего... она нас с тобой простила, – Аня кивнула головой на письмо в его руках. – А до того... понадобились годы, чтобы ты ушёл от неё.

– Скорее, меня «ушли»...

– Так или иначе, ты разведён. Неважно, кто кого «ушёл». Важно, что сейчас, тут, вдалеке от всего, что когда-то отравляло жизнь – тебе, мне, Эмили – мы можем наконец-то быть вместе, не прячась, не стыдясь.

Письмо так и осталось лежать нераскрытым на балконном столике, хотя мысли Алекса время от времени возвращались к нему, вытягивая за собой из потерянного прошлого путанные воспоминания, объединённые только знакомым уже чувством – стыда и бессилия. Даже вечером, когда они с Аней отправились по старым местам – свежая традиция для восстановления памяти, так между ними назвались эти ежевечерние прогулки вдоль по Рингу, мимо Университета, Ратуши, к Парламенту и Музеям, или по извилистым улочкам Шпиттельберга, или по аллеям Пратера – это гнетущее чувство пробивалось сквозь радость узнавания. Оно отступило на время – да что там, отступило всё, – когда, вернувшись домой, Алекс прошлёпал в ванную за Аней навязчивым щенком и не отпускал её от себя, пока уже в постели не погрузился в дрему, – но всплыло болезненно и ярко, и разбудило его.

– Ты о чём? – прошептала Аня вслед за его вздохом.

– Мне не нравится это письмо.

Аня упёрлась щекой на подставленную руку, в темноте ночи выделялось светлым пятном её лицо.

– Чем не нравится?

– Не знаю... что тебя связывает с Эмили?

– Ты...

– Не нравится всё равно. Что вы там обсуждаете за моей спиной?

– Ничего особенного. Быт. Можешь сам прочитать.

– Да не хочу я! Да и тебе бы не стоило! Не ты ли сказала, что прошло – то прошло, важно то что есть сейчас? Зачем тянуть этот... треугольник?

– Может, ты и прав. Хорошо. Я не стану его читать. Выброшу.

– Сейчас. Сожги.

– ?

– Не спрашивай, не знаю. Но мне кажется, так будет лучше. Какая-то дрянь поднялась во мне из-за этого письма.

Стыд и бессилие, думал он, пока Аня вышла на террасу и, стоя перед окном спальни, вскрыла конверт, разорвала письмо на клочки, сбросила всё в пустующий цветочный горшок, подождала бумагу зажигалкой...

– Глупо,.. – пробормотала Аня, укладываясь рядом с ним в постель. – Эмили почём зря обидели.

– Глупо, – согласился Алекс. – Но... дай мне время, Аня. Дай мне вспомнить и разложить всё по полочкам. Дай мне понять, почему я так... боюсь... её.

Он не соврал – страх тоже присутствовал. Страх разоблачения, что ли? Закономерное дополнение к стыду и беспомощности.

– Спрашивай, – предложила Аня.

– Спрошу. Когда буду знать, что.

\*

– Расскажи, как мы познакомились. Ты и я.

Анина мать, женщина с русским именем Ольга, была нянькой при Алексе с первой недели его жизни, а Аня была при маме. Аня любила и дом, и одичавший парк вокруг него, малыш казался ей забавным – пока она не начала ревновать к нему свою маму, которая решила, что без малого пятилетняя замкнутая дочка не нуждается в её внимании настолько, насколько нуждался болезненный и плаксивый воспитанник. Когда пришло время идти в школу, Аню с помощью отца Алекса устроили в интернат неподалёку, за что девочка ещё больше невлюбила малыша. Тем не менее, она помогала Ольге и в выходные и на каникулах, боясь потерять расположение матери, всецело принадлежащее Алексу, как ей тогда казалось. Аня сказала, что отца у неё фактически не было – взрослый Алекс решил не теревить явно болезненные отношения. Его же собственная мать начала пить вскоре после его рождения. Неудивительно, что он оказался полностью на попечении няньки, выместив собой её родную дочь.

Слова Ани будили, ставили в фокус и выстраивали в ряд его собственные, вначале смутные, со временем всё более чёткие воспоминания, оживляли детали, заполняющие, уплотняющие жиденькую поначалу канву его памяти. Нехотя и лениво, затем всё смелее и стремительнее, собиралась из разрозненных штрихов целостная картина. Вот искажённое, пугающе одутловатое лицо с покрасневшими глазами, виноватой усмешкой и непослушными губами. Жалость вместе со страхом и стыдом. Его мать. Вот – тонкое, бледное лицо, взгляд строгий, губы поджаты, но резкого, тошнотворного запаха алкоголя нет – и строгий взгляд его уже не пугает. Ольга. Вот – узколицая, длинноносая, сплошь усеянная веснушками сердитая девочка. Аня. А потом – он, крепко прижавшийся к Ане, растирающий слёзы и сопли, на дне оврага позади дома. Он вспомнил этот овраг: глубиной по колено взрослому, тогда он казался каньоном, а мирный ручей на дне казался диким потоком, пробивающимся сквозь нависающий со стен шиповник. Он прятался от матери, опять приложившейся к бутылке, решил выждать в овраге, пока не вернётся с работы отец. Там нашла его Аня, и он, не выдержав напряжения, пожаловался ей. Сколько ему было лет? 4? 5? И где была в тот раз Ольга?

В шесть лет Алекса тоже отдали в интернат. Год спустя его мать познакомилась в наркологической лечебнице с молодым человеком, подходящим ей и по возрасту и по жизненному опыту больше, чем почти вдвое старший и многократно более образованный отец Алекса. Она оставила мужа и сына, когда мальчику было 9 лет. К тому времени Аня уже училась в Швейцарии – опять же, стараниями отца Алекса, чья дальняя родственница преподавала в интернате для трудных подростков недалеко от Люцерна. Кем-кем, а 'трудным подростком' Аня была вполне: замкнутая и своенравная, не признающая авторитетов, не желающая подчиняться, угрюмо и молчаливо сопротивляющаяся всем и вся. То ли интернат, то ли бездетная родственница Вальтрауд, выплеснувшая на Аню неизрасходованную материнскую любовь, вооружённую знаниями психолога и мудростью опытного педагога, исправили начинающую социопатку. Наслушавшись рассказов Вальтрауд об Alma mater, Аня последовала её примеру и после интерната поступила в Венский университет.

Алексу было тогда 14 лет. Его отец сменил работу в Эдмонтоне на преподавание в местном колледже и забрал сына из интерната. Аня ничего не знала ни об интернате, ни о времени после него, поэтому Алексу пришлось довольствоваться ускользающими, сливающимися картинками, неопознанными лицами с внезапными вспышками разрозненных событий: вот его приняли в баскетбольную команду, вот он получил

права, вот он закончил колледж... общий эмоциональный фон этих воспоминаний оставался ровным, тёплым, уютным.

– Когда ты начал учиться в ‚Альберте‘, отец сообщил тебе, что встретил свою студенческую подругу, и хочет перебраться к ней в Калифорнию – у неё там двое дочерей и внуки. Ты тогда очень на него обиделся – за то, что он тоже тебя покидает... Я уверена, что именно поэтому ты и приехал ко мне в Вену. Хотя ты и говорил, что ты уже большой мальчик и никто тебе не нужен...

– Так и говорил?

– Ну, не совсем так... ты повторял, что вправе строить свою жизнь как сам считаешь нужным – другие ведь тоже с тобой не считаются.

– Ты не считалась?

– Честно? Нет.

– Не понимаю...

– Мне не хотелось быть пластырем на твои раны. Не хотелось, чтобы ты, успокоившись, устыдился своей слабости, устыдился меня – за то, что я была её свидетельницей. Не хотелось, чтобы ты думал, будто я твоей слабостью воспользовалась. В конце концов, так оно и вышло. Ты вернулся домой, в январе познакомился с Эмили, а в марте вы уже поженились. Мне ты не написал ни слова, обо всём я узнала из третьих рук.

– Прости...

– Ерунда. Я подозревала, что так и будет и была к этому готова. Я ведь сама вышла замуж вслед за тобой – уже в июне.

– Погоди... мне ведь было всего... 18?

– 19.

– Пусть 19. Рано ведь! Что удивляться, что брак не удался...

– Брак вполне себе удался, Алекс.

– Угу...

– Это у меня всё было плохо. Преждевременные роды на шестом месяце беременности, ребёнок не выжил, брак мне показался таким пустым и бессмысленным... Очень кстати отец – твой отец – попросил меня вернуться в Канаду. Он, наконец, собрался окончательно перебраться в Калифорнию и искал кого-то, кто будет смотреть за домом. Вы с Эмили ещё учились, вам было удобнее жить в Эдмонтоне. А мне было просто необходимо сменить обстановку. Сменить жизнь... Он же помог мне с работой в городском архиве Вестлока. Тогда я познакомилась с Эмили, снова увидела тебя...

– И всё началось заново?

– Нет. Мы редко встречались, хотя Эмили с трепетом относилась к твоей семье...и друзьям детства. Не будь Вены, не было бы и напряжения между нами, а так...

– Эмили была не в курсе?

– Нет. Тогда ещё – нет.

Наверно, оттуда росла его озабоченность. Может, с тех пор он боялся, что две женщины выяснят то, что он по каким-то причинам старался скрыть. Может быть...

\*

Выходка с письмом, хоть и была однозначно идиотской, всё же успокоила его. Эмили – в одной жизни, Аня – в другой. И никаких пересечений. Пересечение грозило вспышкой страха, стыда и беспомощности – как в тот, сохранившийся в памяти, момент объяснения с Эмили. По словам Ани, ему довольно долго удавалось разделять эти две жизни. Через четыре года после возвращения Ани в Канаду они возобновили отношения. Он вспомнил и тот месяц, что провёл в доме отца, рядом с Аней – вместе с ней. И даже после этого их связь не всплыла: они оба имели право находиться в том доме: Аня – по праву привратницы, он же был у себя дома, куда он сбежал, чтобы «поразмыслить над браком». В конце концов, он вернулся к Эмили, но афера с Аней не прерывалась, хотя и встречались они не чаще двух-трёх раз в год. По сути, Алекс должен был бы быть благодарен судьбе, за то что ему посчастливилось забыть эти годы двойной жизни. И Эмили он должен был бы быть благодарен – за то что она прекратила это лживое действо, заставила его совершить выбор, на который он, очевидно, не решался сам. Второе открытие отзывалось в нём безоговорочным эмоциональным одобрением. С первым было хуже. Его не оставляло чувство, что он забыл нечто крайне важное, нечто объясняющее его неспособность выбрать между двумя женщинами. Психотерапевт, с которым он встречался раз в неделю с тех пор как ещё в больнице была установлена частичная амнезия, задал ему принципиальный вопрос: хочет ли он узнать причины нерешительности или же хочет освободиться от неудобства, которое причиняет ему его прошлое сейчас. Потому как для первого необходимо вернуться в Канаду, встретиться с Эмили, восстановить события по нескольким независимым источникам, а не довольствоваться только тем, как видит его прошлое Аня. Один и тот же ряд событий можно ведь трактовать совершенно по-разному, и фрагменты воспоминаний могут лечь без зазора на любую основу. Состыковывать нестыкуемое все мы мастера – было бы желание. Для второго же достаточно знать, что его ситуация банальна и легко объяснима. Похоже, Алекс моногамен по природе, то есть однолюб. И нечему тут удивляться: именно моногамным психологически сложно порвать существующую связь, даже если она по каким-то причинам оказалась вытесненной, будь то привязанность к первой любви или же привязанность к супруге. Из-за такой – почти что врождённой – верности моногамные и начинают путаться в отношениях. Его предыстория – алкоголизм матери, исчезновение Ани из его жизни, смена окружения, когда он оказался в интернате, угроза потери отца, – неизбежно должна была породить боязнь потерять то, что есть. Второй вариант развития ему самому вряд ли понравился бы: полная неспособность выстраивать и поддерживать эмоциональные связи. Пришлось согласиться с доктором: второй вариант, безусловно, доставил бы много меньше неудобств и душевных терзаний, но и отнял бы способность любить.

Алекс позволил себе пойти на поводу страха ,потерять то что есть'. А была у него в настоящий момент жизнь с любимой женщиной, в городе где он снова был счастлив, перспектива работы пусть не слишком изысканной интеллектуально, но оставляющей силы и время, которые он мог посвятить исследованию собственного прошлого. И первым шагом должно было стать предложение Ане. Он знал о её осторожности после одной несчастливой попытки и заготовил поэтому множество аргументов. Тем не менее, Аня осталась тверда. Одно из её возражений, однако не было лишено и практического смысла: для заключения брака им нужны свидетельства о рождении, которых у обоих не только с собой в Вене не было, но вообще неизвестно где они завалялись. Справки о расторжении брака также отсутствовали у обоих. «Нужна тебе эта морока?» Он постеснялся признаться, что нужна. Может быть, в той, прежней жизни, он был менее педантичен, но сейчас ему страшно не хватало зацепок вне его собственной головы.

Аня носила с собой голубой паспорт ООН, её канадский паспорт оставался дома. В консульстве приняли заявку на восстановление документов, даже не спросив, кому принадлежит второй паспорт, предъявленный Алексом. Гражданка – ну и ладно. Велели справиться через пару недель. В тот же день он вернул Анин паспорт на место, она не заметила отсутствия. Разговор о женитьбе он больше не заводил – вот будут документы на руках, тогда можно будет предпринять следующую попытку. Он был уверен, что в конце концов ему удастся уговорить Аню. В том что она его любила, он не сомневался. Что же до него... не приходилось бы ей ходить на работу – он не выпускал бы её из объятий. Когда она бывала дома и он вдруг не обнаруживал её в искомом месте – он чувствовал холодок в груди, как будто остановилось сердце. Аня смеялась каждый раз, когда он звал её с нарастающей тревогой. «Аня?..» – «Я тут, малыш», кричала она в ответ и тогда смеялся уже он: конечно, она была старше, и конечно, когда-то она была его ‚младшей нянькой‘ и даже сажала его на горшок (он порадовался, что не помнит таких подробностей), но с тех пор он значительно подрос, так что Аня доставала ему всего до плеча – если становилась на цыпочки. А потеряться в квартире было несложно: она охватывала весь верхний этаж в форме коротконогой ‚П‘, состояла из многочисленных помещений, – столовая, салон, библиотека, три спальни – располагавшихся вокруг террасы между двух боковых крыльев дома. Ещё в самом начале Алекс удивился, зачем Ане такая огромная квартира – сама она занимала лишь две комнаты, остальные были хоть и меблированы, но не обжиты. «Я непременно хотела поселиться именно в этом доме, а уж в одной комнате или в сорока – роли не играло. Конечно, если бы я целиком оплачивала её из своего жалованья, я бы обуздала ностальгию».

В конце его ‚свободной‘ недели он, вспомнив многозначительные взгляды его будущей работодателя, купил себе и Ане обручальные кольца. Он боялся Аниного возмущения, но она чуть не расплакалась, когда он их достал, и позволила ему надеть ей кольцо – рука её дрожала, да и его тоже... В ту жаркую августовскую ночь они любили друг друга до изнеможения, ему казалось, что теперь-то она точно не возразит против замужества, но Аня умоляла его ничего не менять, и столько отчаянья было в её голосе, что он застыдился своего тайного похода в консульство и готов был уже покаяться, когда Аня сказала, что дорожит кольцом, и надежда снова затеплилась в нём. Главное – не торопиться, а документы... документы в любом случае не помешают. На следующий день они были приглашены к тому самому бывшему сокурснику Ани, который неожиданно свёл Алекса с чьим-то то ли родственником, то ли знакомым, как раз искавшим сотрудника для политической редакции солидного еженедельника. Вечер прошёл мимо Алекса, подвергнутого испытанию (замаскированному под непринуждённую беседу за бокалом вина). Зато к концу беседы ему было предложено новое место, приступить к работе следовало в сентябре, а договор был подписан в понедельник. Алекс подивился скорости, с которой австрийцы нанимали людей на значительные, в общем-то должности. Аня усмехнулась в ответ: «Попробовал бы ты постучаться к тому мужику с улицы». Уже с бумажкой в руках он появился таки в туристическом бюро, начал было оправдываться, но хозяйка отмахнулась: «Я не очень-то и надеялась, да мне и стыдно было бы держать Вас на побегушках. Разве что...» – тут она заметила кольцо, вздохнула и сказала: «Успехов Вам». Так что его единственный рабочий день в туристическом бюро закончился, так и не начавшись. Невольные каникулы продлились ещё на три недели.

Через 12 дней после подачи заявки ему позвонили из консульства. На этот раз за стеклом сидела миловидная радушная девушка. Она взяла паспорта, бегло сверила

Алексову физиономию с фотографией, вложила тощую стопку бумаг в паспорт, выдала документы в окошко. Затем выложила квитанцию: «Распишитесь здесь, пожалуйста». Как только он положил ручку, девушка спросила: «Ваша сестра сама зайдёт или вы заберёте и её документы тоже?»

## 2.

Сохранив каменное лицо, Алекс забрал и Анины документы, прошагал на деревянных ногах в ближайший сквер – благо в Вене они попадают почти на каждом шагу – и плюхнулся на лавку. Роковое слово прорвало плотину, сковывавшую его память, прошлое его, бурля и накатываясь само на себя выплеснулось целиком и полностью – он чуть не захлебнулся, буквально: в какой-то момент ему перестало хватать воздуха. Где-то в глубине сознания появилась мысль: девушка ошиблась, может, они были однофамильцами, посмотри же, дурак, документы – но уже знал, знал, знал – чёрт поberi! – знал наверняка, что надеяться не на что.

Аня, конечно, врала – Ольга была и его матерью. Он поразился тому, с какой готовностью его сознание разделило два лица, принадлежавшие одной и той же женщине, сделало из неё двух разных. Он спрашивал себя, сколько раз Ане пришлось бы оговориться при упоминании семьи, родственников, отца, чтобы он, наконец обратил на это внимание. С какой готовностью он вытеснил этот решающий факт – сестру по имени Аня, подменил неудобную правду успокоительной ложью. Ответ не заставил себя ждать: этот факт мешал ему всю его взрослую жизнь. Потому как в остальном Аня не соврала.

Была пьяная Ольга, бормочущая липшей на ней Ане: «ты-то что не сдохла?», была испуганная Аня, обнимающая ревущего братишку в овраге, были слёзы и расставания, новые лица и страх оказаться покинутым, был период относительного спокойствия и была неожиданная новость: Аня придет их с отцом навестить. Алексу 18 лет, он только закончил школу, он скрытен и молчалив, и долго пытается представить, как вести себя с Аней, которую он видел последний раз в 10 лет. С тех пор была пара фотографий, на которых она только становилась выше, не особенно меняясь. Теперь же она – взрослая, студентка 22 лет. С некоторых пор они начали переписываться по ‚мылу‘ – нерегулярно, под настроение: «Представь себе, меня взяли в баскетбольную команду» – «На днях побывала в Зальцбурге. Алекс, ты должен увидеть этот город!» – «Всё. Теперь я человек: у меня есть водительские права!» – «Нашла комнату в коммуналке». И в конце концов: «Мне отвалили денег за проект. Навестить, что ли, вас?»

Во-первых, он её не узнал. Мало того, что вместо долговязой угловатой девчонки он увидел стройную девушку, с рыжей шевелюрой вокруг вытянувшегося и лишившегося большей части веснушек лица. Медный цвет волос выявил зелёный оттенок некогда серых глаз, на месте вечно растрескавшегося ‚лягушачьего‘ рта приоткрылись в удивлённом ‚О‘ яркие сочные губы. Вернувшись с тренировки в день её приезда (замок в доме не менялся годами), он застал её выходящей из душа, в одном коротеньком полотенце. Теперь-то ему всё равно, а тогда бы он сгорел со стыда, если бы кто-то заподозрил, что он был ещё девственником. Поэтому он поборол смущение, и обнял оторопевшую Аню – по-братски, как ему тогда казалось. Во-вторых, сделал он это совершенно зря. Потому что держать в руках почти обнажённое девичье тело, вдыхать

влажный аромат свежесмытых волос, видеть, как с медных тяжёлых прядей стекают капли по спине, чувствовать все живые и тёплые выпуклости никак не способствовало восстановлению безвинных отношений. «Как же ты вырос», прошептала Аня – и он отпустил её, прежде чем она заметила его неуместную реакцию. А в-третьих... в-третьих она спросила, часто ли он спускается в тот овраг – и он понял, что она знает его лучше кого-либо другого, даже лучше отца, с которым у него всё-таки сложились приемлемые отношения: никто из них не лез другому в душу. Может, со стороны это могло показаться и безразличием – но Алекса это устраивало. Для него освобождение из интерната значило несравненно больше, чем назойливый интерес к повседневным мелочам.

Аня пробыла у них три недели. За это время они много болтались по близлежащему Вестлоку, пару раз сходили на дискотеку, потом Алекс отказывался – его раздражало внимание парней к Ане, себе он объяснял это заботой о сестре. Первый раз она посмеивалась и дразнилась, во второй раз – после того как он пригласил её на ‚медленный‘ танец, чтобы оградить от нахальных ухажёров, конечно, – затихла и держалась смирно за его руку, пока они шлёпали к машине, а потом поцеловала его – быстро и, в общем-то, вполне невинно чмокнула в губы на галерее, разделявшей их комнаты. Ещё они посиживали в овраге и обменивались рассказами о событиях прошлых лет, когда речь зашла об интернате, о том как ему хотелось домой, он запнулся, потому что иначе разревелся бы, но Аня прошептала «я знаю», и в её глазах тоже появились слёзы... Однажды Аня проводила его на тренировку и, пока он играл, сообщила подсевшим к ней парням, что она – девушка Алекса. Провинциальные донжуаны отвалили несолоно хлебавши, Алекс успокоился, но с того момента поселилось в нём это уже никогда не умиравшее чувство: Аня – его, и только его. А вот как распорядиться этим владением, он ещё толком не знал. На следующий день они отправились вдвоём на озеро позагорать и поплескаться, валялись рядышком на пледе лениво и расслабленно, и всё было просто замечательно, пока Аня опять не вскрыла его до глубины души – всего лишь парой слов. «У тебя есть подружка?» – «Нет». – «Боишься быть оставленным?» Кажется, тогда он пробормотал нечто невнятное, но Аню обмануть не удалось. Она облокотилась на руку и посмотрела ему прямо в глаза. «Я тоже боялась. Но иногда стоит рискнуть». Она поцеловала его – по-настоящему, он не ошибся, чтобы он себе потом не говорил. В конце концов, девственник девственником, а целоваться ему уже приходилось. Он вообще считался фаворитом в школе и поддерживал эту сомнительную славу – не рассказывать же всем, что он таки да, боится слишком привязаться к какой-нибудь девчонке, с которой потом придётся расстаться, хотя бы потому, что ему уже было обеспечено место в ‚Альберте‘. Аня легла рядом с ним – голова на его плече, рука в руке, и он застонал, перевернулся на живот. Аня усмехнулась: «Да что уж там... даже лестно.» Оставшиеся четыре дня он провёл как во сне. Аня притягивала его и манила, каждого её прикосновения он ожидал с трепетом и млел, когда она брала его за руку, обнимала за плечи, клала ему голову на плечо – и всё это время он был совершенно убеждён в невинности собственных помыслов: родной же человек... Он провожал её в аэропорт, в Эдмонтон. Они похлёбывали кофе в ожидании посадки, Аня пинала его под столом – «убери свои костыли», он поймал её ноги своими и держал, пока не ощутил тепло, поднимающееся от соприкасающихся коленей по бёдрам, через пах, сквозь сердце – в сознание. Он растерялся, и в этот момент Аня сказала: «Приезжай ко мне, Алекс. Учиться ты можешь и Вене, жить станешь у меня...» Кажется, тогда он осознал, во что вляпался. «Что это изменит?..», пробормотал он. «Там... нет границ, поставленных до тебя, без твоего ведома. Там ты

строишь собственную жизнь так, как хочешь ты – потому что никто тебя не знает, ничего от тебя не ждёт...» Энтузиазм её пропал к концу тирады, она опустила глаза, стала вертеть ложкой по столу, и он накрыл её беспокойную руку своей. В этот момент объявили посадку, Аня выдернула руку, вскочила. «Пора». Он не пошёл за ней, наблюдал со своего места в кафе, как она предъявила билет, направилась к галерее, обернулась у выхода, чтобы помахать ему... он сорвался со стула как сумасшедший, бросив на бегу монеты на стол, помчался к Ане – и целовал, целовал, целовал её, пока тактичный кашель стюардессы не напомнил им о посадке.

В тот же день, там же, в Эдмонтоне, он лишился девственности – пошёл на дискотеку, был охмурён, уведён, оприходован. Ничего, кроме мощного похмелья, это событие в нём не оставило. Добавило смелости в последующие месяцы, может быть, но не решило его основную проблему: Аню он так и не смог выбросить из головы. Впрочем, со временем он успокоился – воспоминания о совместном времени уже не порождало мурашек по всему телу и не отзывалось давлением в паху. Тем не менее – или вопреки? – Алекс начал учить немецкий язык. Аня не писала ему, он тоже хранил молчание. В конце октября отец вернулся с конференции и рассказал ему о своей бывшей сокурснице из Калифорнии. В начале ноября он получил первое за всё время ‚мыло‘ от Ани, в присутствии ей стиле, без приветствий и вводных слов. Одна единственная строчка: «Джон Ирвинг. Отель Нью-Хэмпшир». В тот же день он купил книгу, и прочёл к следующему утру. Второго декабря он улетел в Вену.

Аня сказала правду – Алекс вернулся в Эдмонтон спустя две недели. Она утаила причину и обстоятельства его возвращения. Он проснулся рано утром, рядом с ней, как каждый день до того, привычно обнял и притянул спящую Аню к себе – и понял, что не хочет. ‚Рецепт‘ Ирвинга сработал. Не в один-единственный день, как в романе, но – сработал. Он насытился, можно было надеяться, что на всю оставшуюся жизнь. Он встал потихоньку, оделся тайком и выскользнул как вор из квартиры. Семь часов до ближайшего рейса он провёл в аэропорту. К концу четвёртого часа ему уже было ясно, что роман – не жизнь, а рецепты литературных героев не всегда подходят людям реальным. Весь последующий час он пытался убедить себя в том, что Аня, как и героиня Ирвинга, любит его не иначе как брата, и будет только рада, что вправила непутёвому мозги, причём далеко не самым неприятным способом. К концу шестого часа он чувствовал себя последним трусом, гадом, идиотом... Уже в самолёте он решил, что начнёт переводиться в Вену – вот только закончит семестр... или год?..

А в январе он встретил Эмили.

\*

Пит, его сосед по общежитию, вместо того, чтобы провалиться как обычно на день или два в загул, решил устроить вечеринку в их комнате. Алексу же было не до веселья: за две недели в Австрии он пропустил изрядное количество лекций, а слабые результаты сессии значительно снизили бы его шансы перевестись в венский университет без потери года. Да и язык следовало бы довести до приличного уровня – иначе грозили бы ему там полугодовые курсы немецкого для иностранных студентов, и – опять же – потеря времени. Конечно, он был всего лишь первокурсником, и невелика была беда бы начать ещё раз заново, но с учётом языка он потерял бы два года – в то время как Аня уже закончила бы учёбу... ну, не хотелось ему быть вечно младшим... Поэтому он отправился в читалку. В субботний вечер зал был почти пуст, пара тусклых ламп освещала склонённые головы неисправимых зубрил. Алекс выбрал себе отдалённое

место, в густой темноте он не заметил, что сдвоенный, разделённый невысокой перегородкой стол занят с другой стороны. Он нащупал лампу – и её свет разбудил девушку, спавшую положив голову на книгу. «Извини, – смутился он, – я тебя не видел». Девушка улыбнулась: «Ничего. Мне, кажется, ничто не помешает». Уходить было поздно, так что он уселся на выбранное место, разложил учебники и одолженные конспекты, погрузился в тягомотину ‚Капитала‘. Девушка напротив, кажется, снова принялась за книги, через некоторое время он заметил, что она снова задремала. «Эй, – сказал он, – не пойти ли тебе лучше выспаться?» Она подняла голову: «Надо бы. Только там я подрыхну до вечера, тут всё же какая никакая, а учёба». – «Хотел бы я иметь место, где можно подрыхнуть до вечера...»

Эмили снимала уютную однокомнатную квартиру недалеко от студенческого городка – «предки подсобили», – Алексу было выделено место за письменным столом (Эмили просто сдвинула стопки книг и тетрадей), а так же велено разбудить хозяйку, когда ему уже захочется спать. «Не стесняйся,» сказала она и завалилась на единственную кушетку. Пит гулял с размахом – ни на второй день, ни на третий комната не пришла в состояние, способствующее учёбе, так что Алекс практически не выходил от Эмили, ну разве что пару раз съездил переодеться и убедиться в том, что возвращаться пока некуда. Спали они по очереди, учились по очереди, пересекались редко и ненавязчиво. Она мало рассказывала о себе: третий курс ‚Финансов‘, родители в Сиэтле, квартира принадлежала её маме, в своё время тоже учившейся в ‚Альберте‘. Его комната в общежитии уже давно приобрела человеческий вид, но Эмили, пряча глаза, запинаясь и краснея, многократно повторяя «ты не подумай, я просто....», сказала, что есть в нём целеустремлённость, которой ей так не хватает, что ей легче даётся учёба в его присутствии, что иначе она, пожалуй и не сдаст эту сессию... Он продолжал учиться у неё на квартире, за несколько дней она привыкла к нему настолько, что уже не ложилась спать одетой поверх покрывала, а переодевалась и разбирала постель, стараясь, тем не менее не мельтешить перед глазами... Может быть, именно ненавязчивость Эмили позволила ему пригреться душой к тихой, немногословной, замкнутой не менее его девушке. Замкнутость замкнутостью, а лет ему было всего 19, мысли его всё время возвращались к недавней Вене, он эти мысли и ощущения гнал – причин было достаточно, – но добился лишь того, что стал всё чаще поглядывать на Эмили. Она не противилась этим взглядам – и Алекс становился смелее. Эмили, как оказалось, тоже была не прочь поцеловаться, но дальше дело не шло. Он недоумевал, а когда понял, что размышляет об Эмили больше, чем об основоположниках политэкономии, решил на выяснение отношений – на свой лад, конечно, без лишних слов: вместо того, чтобы разбудить Эмили, как договаривались, он разделся и лёг рядом с ней. Эмили приветствовала его ласки, он так разгорячился, что в решающий момент не сразу воспринял её отчаянные «нет-нет-нет!». Взъерошенный и злой, он слышал как бы издали слова Эмили: в школе у неё была подружка весьма вольных нравов, которую – не без её начального согласия – изнасиловало трое парней. Никто не поверил ей, когда она начала протестовать и плакать, никто не услышал её «хватит». С тех пор Эмили решила, что спать она будет только с мужем. Законным, зарегистрированным мужем. Он прислушался, когда она произнесла: «я люблю тебя, Алекс, и хочу тебя. Но... вот такой у меня таракан. Прости и пойми...» Тогда он ушёл, пытался учиться, потом слонялся по шумному общежитию, тосковал по тишине и уединённости квартиры Эмили, и вдруг понял, что уже больше недели не вспоминал Аню.

Они поженились без шума и празднеств, просто сходили в мэрию и оформили свидетельство. Отца он поставил перед фактом, как сделала это и Эмили со своими родителями. Только летом, посетив её семью в Сиэтле, Алекс узнал, что его жена – наследница издательской империи, желанная невеста многочисленных перспективных женихов, что её молчание о семье преследовало цель убедиться в серьёзности чувств к ней, а не к её богатству, что зарегистрировалась она не в последнюю очередь и затем, чтобы предупредить неизбежные сетования и отговоры родственников. В какой-то степени он чувствовал себя в ловушке, но эта ловушка служила и защитой. Защитой от Ани. В июне отец пожаловался, что вот и Аня ни с того ни с сего вышла замуж, а он узнал об этом лишь постфактум. Он спросил Алекса, не встречался ли он с Аниным женихом в декабре, он пробормотал «нет». – «Но хоть кого-то из её друзей ты видел? Аня не выскочит замуж за первого встречного...» – «Да не помню я никого!»... Ещё бы. Кого он мог помнить, если тогда кроме них двоих никого и не было на белом свете? И после этого она выходит замуж?.. «Ты сам женился, забыл? – Ехидно напомнил ему внутренний голос. – После *этого*... сбежал и спрятался за Эмили...»

Летом следующего года отец перебрался в Калифорнию, а Аня вернулась в Канаду, поселилась в их старом доме, начала работать в Вестлоке. Эмили настояла на встрече: «Она твоя сестра, Алекс. Неважно, что вы росли порознь. Никогда не поздно – и уж точно не вредно – наладить связь с родственниками». Оказалось, вредно. Весь вечер в ресторане он сидел скованно, избегал Аниных глаз – впрочем, она тоже беседовала больше с Эмили, которая сразу же влюбилась в Аню: «Ах, если бы у меня была такая сестра!» Тем не менее, он узнал много интересного о своей жене – ему почему-то она этого не рассказала. Приятельница Эмили как-то потащила её посмотреть на первокурсников-баскетболистов, и дергала её за рукав каждый раз, когда Алекс приближался к их трибуне. «Смотри, смотри! Это же... это же юный бог, Эмили, да смотри же! Господи, как он движется!» Понукания были совершенно излишни – Эмили влюбилась в него с первого взгляда. В читалке его общежития она оказалась вовсе не случайно, и в конце концов упорство дало плоды. «Я его на себе женила», улыбнулась Эмили виновато. «Ерунда, – ответила Аня уверенным голосом. – Ничего б у тебя не вышло, если бы он этого не хотел». Он глянул слегка ошарашено на Аню – уж кому-кому, а ей полагалось бы знать, что её он любил вопреки разуму, вопреки природе, – вопреки своей воле он любил её даже в тот момент и наверное отдал бы жизнь за возможность прижать к себе её вздорную рыжую голову, прикоснуться щекой к бледному лицу, накрыть поцелуем манящий, бесстыжий рот... «Извините меня», поднялся он и, с трудом сохраняя самообладание, вышел на улицу, подставил лицо свежему вечернему ветру.

Позже он был вынужден признаться себе, что Аня опять оказалась права. Любви он повелевать, конечно, не мог, она не рождалась и не умирала по желанию, но он решал, идти ли у неё на поводу, позволить ли ей расти и буйствовать – или же держать её на цепи, выпуская дозированными, дозволенными порциями. Он избегал Ани, она не искала его общества. Эмили, однако, твёрдо верящая в семейные ценности, регулярно названивала Ане и снабжала Алекса новостями из жизни сестры: работа в архиве оказалась ненапряжённой, Аня решила подучиться и получить полноценный диплом библиотекаря-архивариуса, потом поступила на курсы переводчиков. Она продолжала жить одна в старом родительском доме, выходила редко – только если Эмили вытаскивала её в кино, в театр или на выставку. Алекс обычно отмахивался от участия в этих культпоходах, но когда жена возвращалась домой, он любил её особо неистово. Эмили посмеивалась: «Да ты извращенец, голубчик. Признайся, что тебя возбуждает

мысль о двух женщинах...» – «Извращенец,» соглашался он, хотя возбуждали его совершенно другие мысли.

Постепенно эта зависимость начала его раздражать. После очередной жалобы Эмили на Анину нелюдимость он вспылил: «Да оставь ты её в покое! Не хочет и не надо!» Эмили тогда посмотрела на него печально: «Ты не понимаешь...» – «Чего тут не понимать?!» – «Она потеряла ребёнка, Алекс. Если её не теревить, она погрязнет в горе.» – «Не погрязнет. Она же учится...» возразил он вяло. О ребёнке он не знал. Он вообще ничего не знал – не интересовался, боялся, а Эмили не трепалась попусту. Он вообще думал, что Аня вернулась из-за него. Да, оттуда росли ноги его раздражения: если она вернулась из-за него – зачем она это сделала, зная, что он женат? Если не из-за него – почему прячется, почему не ведёт себя как положено нормальной старшей сестре, заставляет его думать о причинах? Он ещё порасспрашивал Эмили, услышал о скороспелом браке («Аня сказала, – поведала Эмили, – все вдруг обзавелись семьями, и ей приспичило»), недоношенном младенце и разводе – и с тех пор раздражение сменилось нарастающей тоской. Теперь ему не давала покоя совесть: если бы он тогда не сбежал... если бы он снизошёл хотя бы до пары строчек объяснения после... если бы он не врал себе насчёт Эмили... И временами ему становилось тошно от собственной трусости. В то время как Аня в который раз выстраивает новую жизнь – так как она этого хочет, он плетётся в предложенном русле, живёт жизнью удобной, но – чужой...

После окончания университета и полугодовой 'стоянки' в турбюро – шёл пятый год с возвращения Ани – он начал работать корреспондентом географического ежемесячника и объездил весь север Канады (ну почему, почему он не выбрал себе для диплома более тёплые широты?). Эмили спокойно относилась к его частым командировкам и поддерживала его желание добиться успеха без помощи её семьи. Которая, кстати, продолжала морщить нос по поводу мезальянса, а он лез из шкуры вон, чтобы доказать их неправоту. Мотался по чумазым мотелям с промёрзшими стенами и засиженными прошлогодними мухами окнами, спал в чумах, отмораживал щёки в санных походах по тундре, приобрёл пару шрамов от неумелого обращения с гарпуном... Домой он возвращался измученный, зачуханный, и с нарастающим раздражением узнавал, что Эмили растёт по службе в Эдмонтском филиале папиного издательства, обеспечивая их жизнь заработком, вдвое превышающим его гонорары. Тем не менее, журналистский приз (и премия) Альберты того года достался его репортажам. На очередной встрече с высокородной фамилией он с нескрываемой гордостью похвастался призом. Получите, мол. Папаша глянул на подsunутую бумажку и заметил с явным сарказмом: «А, мистер Мёрфи таки запомнил твоё имя. Я уж боялся, напутает – он переспросил меня раз сорок...» Мистер Мёрфи был председателем призовой комиссии, его подпись стояла на дипломе. Алекс увидел ужас на лице Эмили и проглотил всё, что собирался сказать самодовольному папаше. Но уехал в тот же день, оставив жену выяснять отношения с родителями. Домой он зашёл, только чтобы взять машину и помчался в Вестлок, в городской архив. Аня была ещё на работе, он вошёл в кабинет без приветствия, и с порога сказал: «Я устал, Аня. Устал бегать от себя и неизвестно зачем.» Она поднялась, взяла свою сумку, подошла и положила ему руку на плечо. «Пошли домой».

\*

Эмили он сказал, что поживёт пока в доме отца, ему надо решить, как – если вообще – строить их совместную жизнь, при таком-то встречном ветре... Ни фи́га он не решал, конечно. Все решения он отложил на потом. А тогда была безнаказанная, необузданная

страсть, отголоски которой преодолели даже амнезию. В редакции он появлялся с сияющей рожей, поначалу это было отнесено на счёт приза, пару дней спустя пошли слухи о любовнице – откуда и как, он понятия не имел, ведь ни он, ни Аня никому ничего не говорили, а всё, что было между ними, происходило за закрытыми дверями старого одинокого дома посреди одичавшего лесопарка. Они даже из дому выходили по очереди, и нигде не показывались вместе... И пока он искал возможные источники сплетен, до него постепенно дошло, почему они прячутся. Чтобы они там ни чувствовали, сколь ни оправдывала бы их предыстория, для всех, кроме самих себя они были братом и сестрой, их отношения – моральным уродством. Психической девиацией. Извращением. Наряду с педофилией, скотоложством, садизмом...

Не то чтобы это было для него новостью. Не то чтобы он не думал об этом раньше. Не то чтобы забыл на время. Он просто устал бороться, устал держать любовь в оковах, выпустил её на волю... И пока не собирался загонять обратно. А теперь пришло осознание факта, что загонять придётся в любом случае. Пришло понимание: время свободы подходит к концу – иначе и Аня, и он, и отец, и Эмили могут захлебнуться в неуправляемом потоке последствий... Тем не менее, намеренно торопить конец он не собирался. Больше того, он собирался ещё порыпаться – может, подвернётся безболезненный выход.

– Давай уедем, – сказал он Ане как-то за ужином.

Она внимательно посмотрела на него:

– Вена подойдёт?

– И Вена сгодится.

– Долго же ты зрел.

– Не сыпь мне соль на рану. Почему, кстати, Вена?

– Мне там проще устроиться работать, а ты быстро подтянешь язык. Не забыл немецкий?

– А то я его знал, – усмехнулся он. – Боюсь, с тобой я его так никогда и не выучу. На что жить будем?

– Выучишь, выучишь. Если не станешь торопиться, как в прошлый раз. Дом, кстати, можно сдать внаем.

– Отец не поймёт.

Аня вздохнула:

– Придётся врать. Или себе, или отцу. Другого не дано, Алекс.

На этом строительство воздушных замков закончилось, а на следующее утро появилась Эмили.

Аня уехала за продуктами, Алекс валялся ещё в постели – суббота всё же, позволительно, – но стук в дверь поднял его на ноги. Он впустил заплаканную Эмили и встревоженный, последовал за ней в гостиную. Всхлипывая и запинаясь, она рассказала, что разругалась с родителями. Поставила им ультиматум: или они принимают Алекса на равных, или лишаются дочери. Кажется, они всерьёз испугались, во всяком случае её отец признался, что никогда не говорил с мистером Мёрфи об Алексе, хотя они и знакомы. Так что приз – целиком и полностью его заслуга. Она пришла, потому что... потому что он должен это знать, ему есть чем гордиться... если он вернётся, благосклонность родителей, доля в фирме, карьера, обеспеченное будущее

ему гарантированы, он заслужил это, заработал, если же после всего он оставит её, она поймёт и покорится, в конце концов, она не красавица и женила его на себе обманом, она только просит его сделать вид, что пока – пока, хотя бы полгода – у них всё в порядке, уберечь её от унижения... Он стоял и смотрел на маленькую, растрёпанную, замученную Эмили, тихую и невидную, бросившуюся тигром на могущественных родителей, готовую защищать свою любовь вопреки общественному мнению и здравому смыслу. Может, это и выглядело глупо со стороны, но он опустил перед ней на колени – в тот момент он преклонялся перед ней. Она тянула его вверх, «Ты что, Алекс, ты что... Встань, прошу тебя, встань,» а потом сама опустилась на колени. «Ты вернёшься ко мне?» Он кивнул, и она осыпала его лицо поцелуями, он ответил... Когда он положил Эмили на диван, она прошептала: «Господи, как же я по тебе соскучилась», и тут он понял, что он – нет. Он не соскучился. Он был готов целовать её, обнимать хоть сутки подряд, обождать её, преклоняться перед её отвагой – но не хотел её. Крайне неудачный момент для такого открытия. Ещё хуже, когда в такой момент тебя застаёт женщина, с которой ты недели подряд мыл простыни в спальне этажом выше... Для полного букета не забыть добавить, что речь идёт о твоей сестре... Всего этого он стыдился уже потом – а сначала Эмили остановила его: «погоди, там Аня. Кажется, что-то случилось...» И добрая, отзывчивая, стеснительная Эмили оправила юбку и пошла на кухню, выяснять, что случилось с сестрой любимого мужа.

Он остался сидеть на диване, в полутора метрах от открытой двери гостиной, в двух метрах от открытой двери на кухню... откуда донеслись до него встревоженные слова Эмили:

- Что случилось?..
- Ничего...
- На тебе лица нет.
- Говорю же, ничего!
- Не верю. Может, я смогу помочь...
- Не сможешь.
- Иногда достаточно и выговориться, Аня...
- Выговориться, говоришь?! Ну хорошо. Мой любимый меня не любит – хреновато, но пройдёт. Больше разговаривать не о чем.
- Не верю.
- Я тоже не хотела верить.
- Может, ты ошиблась, или не так поняла?
- Эмили, прошу тебя... там нельзя было ошибиться...
- И всё равно ты ошиблась... Не смотри на меня так. Ты такая... такая.. умная, красивая, – тебя невозможно не любить... та как... как... фея...
- Угу... рыжая фея. – В голосе Ани слышалась улыбка. Печальная, но – улыбка.
- Тогда колдунья...
- Ведьма, – засмеялась Аня. Потом смех перешёл в истерику, потом она зарыдала.
- Плачь, Аня, плачь, – приговаривала Эмили. – Пусть вся боль выйдет слезами. Плачь, милая – что нам ещё остаётся делать?..

Алекс выскользнул из комнаты, пробрался наверх, побросал свои вещи в сумку, быстро переоделся и прошёл в гараж, сел в машину, положил голову на руль. Прошло минут сорок, прежде чем появилась Эмили.

- Представь себе.., – начала она, но он отмахнулся:
- Да знаю я эту историю...
- Друга её тоже знаешь?
- Да.
- Как он мог?..
- Разберутся.
- Ты уверен?
- Надеюсь.
- С чего вдруг?
- Я знаю, что он её любит...

На следующий день Алекс забрал Аню с работы, отвёл в самый шикарный ресторан Вестлока – пригодилась и премия, прилагавшаяся к призу – и попросил прощения. Аня сидела с каменным лицом, под глазами у неё лежали тени – видимо, вчера она смогла заснуть только со снотворным. «Дурак,» ответила она. Он, конечно, удивился. «За что ты просишь прощения? За то, что ты – нормальный? Это мне пора лечиться. У женщины со здоровой психикой перепих брата с его собственной женой не вызвал бы истерики.» Ему не понравился выбор слов. Ещё меньше ему понравился тон, не говоря о содержании: ему недвусмысленно давали от ворот поворот. Отметали в разряд абнормального его любовь и попытку примирения. Если бы не было так больно, он бы даже усмехнулся: ситуация не была лишена парадоксальности. Или извращённости, – но это слово Алекс не любил. Из-за его безжалостной, гнетущей, болезненной правоты.

\*

В последующие два года ему поручили цикл репортажей о Патагонии и островах Огненной Земли, за ним последовали статьи о вымерших цивилизациях Южной Америки. Он опять был в разъездах, слышал об Ане мало и редко, знал только, что она увлеклась литературными переводами, Эмили попросила её разрешения показать работы в издательстве; дело дошло бы и до контракта, если бы Аня не отказывалась переводить по плану, настаивая на том, что делает это для души и берёт только те произведения, которые интересны ей самой. Призов он больше не получал, но редактор отдела собрался на пенсию и совершенно неожиданно предложил Алекса на своё место. «Почему я? – спросил Алекс, когда редактор вызвал его в кабинет и сообщил новость. – Мне нет и 30, нет, что ли более опытных?» – «Есть, сынок, есть. – Ответил старик. – Пять зубров, готовых затоптать друг друга из-за этого места. Если же наверху окажешься ты – они объединятся. Отсутствие внутренних интриг ещё никогда не мешало.» – «То есть, ты бросаешь меня им на совместное растерзание?» – «Ты молод и упрям – тебя не съедят. Погрызут, конечно, не без того. Возьмёшься?» Он взялся. Новая должность означала конец скитаниям, и выводила его на тот же уровень, что был предложен ненавистным тестем сразу после примирения с Эмили. Тогда Алекс отказался, что было справедливо отнесено на счёт оскорбленной гордости. «Место есть, передумаешь – сообщи», сказал ему тогда тесть. Ага, как же. «Ну и славненько, сынок, – заметил редактор. – Отец твой может тобой гордиться». У Алекса похолодело внутри:

«Вы знакомы? Ты выдвинул меня из-за него?» – «Чушь! Я ждал наследника, который сумеет примирить эту банду талантливых эгоистов. Иначе оставил бы всё ещё восемь лет назад. А к тебе я давно присматривался.» – «Из-за отца.» – «Вопреки, осёл. Думаешь, мне нужно было отказать тебе в работе, потому что в детстве я сидел за одной партией с твоим папашей?.. Ну то-то же. Ты был лучшим из кандидатов, и все дела. Кстати, где твой отец сейчас?»

Как бы то ни было, ощущение безвольного следования выдуманному кем-то плану снова дало о себе знать. И хотя этот план подразумевал свои успехи и радости – он был чужим творением... «С жиру бесишься, Триллиан», возражал Алекс сам себе и какое-то время даже стыдился подспудной неудовлетворённости. На пост редактора он вступил спустя три месяца после разговора, никто его, конечно, всерьёз не принял, за спиной его шушукались, но примирились с его видением собственной роли: координатор. Я, типа, вас не трогаю – куда мне до вас, – делайте что хотите и как хотите, моя же задача найти интересные вам темы и выделить достойных помощников. Эдакий мальчик на побегушках у гигантов слова. Очередная роль, маскировка осторожных и витиеватых манёвров, исподволь приводящих гигантов туда, где Алекс хотел их видеть, где они выдавали блестящую работу – не в последнюю очередь и потому, чтобы показать: уж им-то никакой начальник не нужен, тем более сопляк. Как и было предусмотрено планом...

Ещё входила в этот план пусть спокойная, скорее благодарная чем страстная, но всё же – любовь к Эмили. Подпытываемая преклонением, возросшим тогда, когда Эмили призналась ему: история якобы с одноклассницей произошла на самом деле с ней. Он подозревал, конечно – он ведь не был первым у Эмили, но она отмахивалась: «А, школьная глупость», и Алекс не требовал подробностей. Он готов был боготворить жену – за то, что после всего она не озлобилась, но напротив, из сытой, самоуверенной, бесстыжей девицы превратилась в скромную, чуткую, трепетно относящуюся к людям, бесконечно добрую женщину. «Ты вернул мне веру в себя», сказала Эмили, и ни за какую цену он не хотел бы эту веру разрушить. Узнав, что она не сможет стать матерью, он понял, что не имеет права роптать, сколь бы тягостным и сковывающим не воспринимал бы порой её заботу и ожидание ответной любви. Пришло также и понимание начальной настороженности родителей Эмили, впрочем постепенно и они начали к нему привыкать. Временами ему казалось, что он задыхается под тяжестью доверия и ответственности, но заставлял себя относиться к этому как к чести. Он спрашивал себя, сумеет ли когда-либо привыкнуть к установленным – им же самим в том числе – рамкам и правилам, или же так и будет всю жизнь чувствовать давление.

На третьем году редакторства начальство отправило Алекса на семинар для руководящего состава: три дня в глуши, посвящённые тайному искусству манипулирования людьми. Всё, что он там узнал нового – были учёные названия тех методов, что он давно и успешно применял в работе. Это по теме семинара. Вне же её он встретился с валом неприязни, замаскированной под добрые советы. Этого следовало ожидать, хотя бы потому, что он был на 9 лет младше ближайшего к нему по возрасту редактора спортивного отдела. Он узнал о себе, что он выскочка, въехавший в бизнес на собственной жене – недалёкой дурнушке, охмурённой его смазливой рожой и неспособной увидеть его истинных намерений, кои состояли во втирании в папину фирму. Нет, конечно это было преподнесено совершенно в другой – безукоризненно вежливой, одобрительно-заговорщицкой – форме, не оставлявшей прорех для ответного удара, хуже того: любой ответ подтвердил бы завуалированные предположения. Алекс не остался там ни одной лишней минуты, отправился домой в пятницу после обеда, хотя семинар офици-

ально заканчивался в субботу днём: в программу входила ещё заключительная совместная попойка. Он нёсся домой взбешённый, на скорости вдвое выше допустимой, разгоня с затяжным рёвом гудка замешкавшихся в его полосе попутчиков и благодарил судьбу за то, что Эмили уехала к родителям на время семинара. Подавить, утаить гнев он не смог бы, рассказать Эмили о причинах – не хотел. Когда, как и почему он решил ехать к Ане, он не знал до сих пор, но факт остаётся фактом: спустя почти пять лет он оказался у неё опять.

\*

Аня, как обычно, расколола его парой слов. Увидев его бледную от ярости физиономию, она усмехнулась и впустила его в дом, прошла вслед за ним на кухню, где он уже шуровал в поисках стакана, встала у двери, сложив руки на груди: «Не мечись. Выпускай своих тараканов на волю». Алекс застыл на мгновение, развернулся – и повис на подошедшей Ане, как на буйке посреди шторма. Она знала, делила с ним и хранила пуще зеницы ока его самую страшную, самую постыдную тайну – перед ней исчезали роли и маски, падали оковы, перед ней он мог быть самим собой...

Он сказал, что не может покинуть Эмили и объяснил, почему. Он признался, что не выстоит без Ани – она прошептала: «верю». Он спросил, согласна ли она быть рядом с ним, тайком, без надежд и претензий – она улыбнулась: «раньше было иначе?» Он остался у неё до утра, и в первый раз по дороге домой ему не было стыдно. Он думал, что нашёл себя, нашёл равновесие в жизни – и ошибся.

Алекс ушёл из журнала, начал работать в издательстве тестя и спустя три года возглавил Альбертский филиал, настояв на официальном выдвижении собственной персоны в качестве наследника империи, причём независимо от брака – иначе Эмили так и осталась бы для сплетников лишь трамплином в карьере. Естественно, договор содержал порцию «мелкого шрифта», которая оговаривала права и обязанности Алекса в разнообразных случаях прекращения брака – от смерти одного из супругов до развода по инициативе той или другой стороны, но и она оставляла Алексу достаточно свободы, чтобы заткнуть рты любителям покопаться в чужом белье.

Но пока внешне Алекс Джеймс Триллиан процветал, завоёвывал и укреплял позиции, обезоруживал сплетников и разочаровывал представителей «жёлтой» прессы очевидным уважением к жене и щепетильной порядочностью – внутри него родилось и разрасталось подозрение, перешедшее в тоскливую уверенность: он совершил ошибку с Аней. Нет, не ту – самую первую, о ней было поздно уже горевать. Он совершил ошибку, когда примирился с собой. Потому что уравновешенный Алекс терял интерес к Эмили. Признавшись себе в своих – пусть порочных – потребностях, изживая их – пусть редко, только тогда, когда ему становилось совсем невмоготу – он... потерял тот мотор, который обеспечивал ему гармонию с женой, который двигал его профессионально, заставлял его неустанно доказывать, что он может, может быть нормальным, может соответствовать ожиданиям...

Эмили заметила это, но пока молчала. Многозначительно молчала. Он посетовал Ане, та пожала плечами: «Чего ты ждал? Рано или поздно это должно было случиться...» – «Что делать будем, Аня?» – «Дай подумать». Он вернулся домой слегка успокоенный: Эмили относилась к его сестре по-прежнему с трепетом и восхищением, наверняка Аня найдёт пару правильных, утешительных слов. «Где ты был?», спросила Эмили, и его

покоробила её недавно обретенная привычка. «Аню вывозил в свет,» ответил он. На этот раз Эмили даже не попыталась скрыть подозрение во взгляде. Та самая Эмили, которая считала совершенно естественным, что он иногда в одиночку заезжает к Ане «поболтать» или выводит её в ресторан, которая даже приветствовала пробуждение его семейного чувства. «Позвони Ане, если не веришь!», вспыхнул он, – больше оттого, что Эмили была совершенно права в своих подозрениях: он, конечно, повёл Аню в ресторан, потом отвёз её домой – и задержался там на некоторое время. Эмили наклонила голову. «Аня наверняка подтвердит всё, что ты ни скажешь. Ты ей брат, а я – никто.» Господи, думал он, до какого уродства мы докатились?! Это ли не верх извращённости – опровергать родство, прячась за ним же самим?!

Он решил избегать сестры, пока все сомнения и подозрения Эмили не развеются без следа. Это оказалось не так сложно: Аня покинула Канаду.

\*

Алекс и Эмили узнали об этом из письма, прилагавшегося к пакету с ключами от дома, который пришёл по почте через десять дней после вопроса «что делать?». Аня писала, что должна, должна была уехать, что в глуши и одиночестве она начала задыхаться, она просила прощения за то, что не попрощалась: у неё не было более близких людей, чем Алекс и Эмили, и она мучительно оттягивала бы отъезд, услышь от них хоть раз «Аня останься», она бы умерла бы от заброшенности, если бы этого не услышала. «Витиевато, знаю. Алекс подтвердит тебе, Эмили, что у меня крыша всегда была набекрень». Ещё она писала, что нашла в Европе издательство для своих переводов и что сообщит, когда обустроится.

На этот раз сбежала она, а он оказался покинутым. Причём побег она начала готовить заранее. Когда? Год назад, два? Всё это время она лгала ему? Эмили говорила что-то, чего он уже не слышал – сквозь волну боли, унижения, ярости её слова доносились глухим монотонным гулом. Он взял у жены ключ, бросил: «поеду, проверю дом» и помчался в Вестлок. Он распахнул тяжёлую дверь, медленно поднялся по ступеням вверх, прошёл в Анину комнату, упал навзничь на её постель и плакал как ребёнок, ревел в голос, рычал, скулил – пока не пришло тупое, опустошённое безразличие. Вернувшись домой, отрапортовав возмущённой его подозрительностью Эмили «всё в порядке», он добавил сухо и деловито: «Я думал, мы начали понимать друг друга – и тут такое. Что ж, если ей не нужен брат, мне не нужна сестра». Он отказался читать следующее Анино письмо – где-то через месяц после первого, и отказался слушать пересказ Эмили. И следующее письмо – через полтора месяца – отказался. «Я же сказал – не хочу ничего знать!» – «Да у тебя крыша не ровнее Аниной,» пошутила Эмили, не подозревая, насколько она права. Третье письмо она ему даже не показала, только заметила за ужином: «Аня в Берлине». О четвёртом, пятом и сколько их ещё там было, Эмили уже не упоминала.

Понадобилось около полутора лет, чтобы загнанные в подсознание мысли родили, наконец, понимание Аниного поступка. После её отъезда наладилась его жизнь с Эмили, прошла относительно бурную стадию и снова влилась в привычное русло мирного сосуществования, состоявшего из ненавязчивого интереса к текущим делам друг друга, приятельской атмосферы совместных «выходов в свет», отдельных спален. Он спрашивал себя, сколько ему нужно воздерживаться, чтобы захотеть Эмили опять. Тогда-то щёлкнуло что-то внутри: не он ли жаловался Ане, что его тяготит супружеский долг, что ему даже рядом с Эмили приходится думать об Ане, чтобы оправдать ожидания

жены, что после Ани нет у него человека роднее и ближе, но... вот если бы Эмили была его сестрой, а Аня – женой. Ведь именно с Эмили чувствует он, что делает нечто противоестественное, тяготящее, ненужное, в то время как с Аней – единственно верное. Что поэтому он оттягивает визит в спальню Эмили – пока ему становится всё равно, жена ли, сестра ли, коза или резиновая кукла... «Ме-е-е...», дразнила его тогда Аня, он даже обиделся – конечно ненадолго: рядом с ней ему не приходилось сублимировать неделями. Видимо, уже тогда Аня догадалась, что придёт время, когда он должен будет выбрать: Эмили или она. Он предупредил ведь в самом начале: Эмили не оставит. Поэтому Аня оставила его – не дожидаясь развязки, породив в нём гнев, обиду, щемящее чувство одиночества, бросившие его в объятия жены, уничтожившие её подозрения и восстановившие нормальное течение жизни.

Некоторое время Алекс даже испытывал благодарность к сестре за то, что она самоустранилась из его жизни. Некоторое время казалось, что всё вернётся на круги своя и будет вертеться до скончания дней. Но благодарность породила вопрос «какой ценой?», за ним – «разлюбила ли, или...?» Разлюбила, уймись, – убеждал он себя, но вопрос возвращался, дразнил, распалял, жёг и мучительно требовал ответа. В конце концов он выбрал вечер, когда Эмили ушла на благотворительный спектакль, после которого следовал банкет ещё где-то (зная его нелюбовь к подобным мероприятиям жена давно уже перестала звать его с собой), дождался ухода горничной и прошёл в спальню Эмили, где в верхнем ящике комода она хранила письма и фотографии – рядом с ящиком с драгоценностями.

Анины письма были сложены аккуратной стопкой – их оказалось много, он насчитал 32 – почти по одному в месяц. Шесть штук отличались изрядной толщиной, остальные были тонкими. По конвертам прослеживался Анин маршрут по Европе: Берлин, Мюнхен, два последних и тонких – из Вены... Он взял их все, прошёл в свою спальню, разложил их на кровати, налил себе бокал Риохи и долго стоял над письмами, покачивая вино в бокале, вдыхая его терпкий, густой аромат... выпил залпом и взялся за последнее – то что из Вены. Из города, где он был юн, отважен и счастлив.

«...Я всё хожу вокруг дома, в котором жила ещё в студенчестве. Мне кажется, что – стоит мне в нём поселиться – вернётся и молодость, и беззастенчивая радость, и смелость любить. Впрочем, пустое: там всего одна свободная квартира, да и та мне не по карману. Вот если повезёт, если хмурый ООН-овский дядька выберет из трёх кандидаток именно меня – тогда... Не знаю, что будет тогда. Память о неудачах, опыт потерь – куда деть их?... Всё равно. Держи за меня кулачки, Эмили, ладно?»

Рука дрогнула, отпущенный лист плавно опустился на кровать. Алекс налил себе ещё, поставил бокал на тумбочку, лёг рядом с письмами и взял одно из толстых.

«...разговорный немецкий слегка заржавел...»

«...не спрашивай, Эмили, ты его не знаешь. Спроси у Алекса – он с ним знаком. Достаточно знать, что встретила я с ним в Вестлоке, когда мне было всего 22. Вообще-то, мне следовало бы помнить его ещё с детских лет, но я долгое время старалась вытереть детство из памяти, забыть всех забывших меня – в конце концов получилось. Я слишком много хотела от него тогда: чтобы он покинул родителей, перебрался в Европу, начал новую жизнь... Это у меня не было корней, мне было несложно менять города, страны и континенты. А у него корни были...»

«Берлин мне не мил, не могу привязаться к нему, он меня отторгает – непривычным произношением, странной помесью востока и запада, нахально лезущими на глаза стройками. Какая удача, что следующий перевод издадут в Мюнхене...»

«...закономерно, что он вспомнил обо мне, когда у него начались трудности с женой. Я не прогнала его, а надо было бы. Я надеялась, что он останется со мной, мы даже строили совместные планы, но... он вернулся к жене. Помнишь, когда я разревелась на кухне. Я увидела их обоих, когда ездила за покупками. Он потом объяснялся, и – вопреки здравому смыслу – я верила ему. Верила, что сожалеет, верила, что не хотел обидеть, верила, что всё ещё любит... хотя знала, что он любит и жену, иначе – но любит.»

«...жена его начала подозревать и я испугалась новой потери – вдруг он из нас двоих выберет её? Ведь признаться, что мы годами поддерживали отношения намного больше дружеских, означало изгадить всю его семейную жизнь. А она не была плохой, нет, ни в коем случае. Ты знаешь не хуже меня, как тяжело разобраться в юности, где любопытство, где дружба, где благодарность, тяжело разделить: вот – гормоны, вот – сердце, вот – душа. В юности уже одно из них кажется любовью, и только с годами начинаешь понимать, что любовь бывает разная, и не каждая годится для семьи.»

«...Мюнхен гораздо ближе. Роднее. И я поняла, почему. Сдам книгу, дождусь гонорара – и... могу ехать. Наберусь ли достаточно смелости?..»

«Брось, Эмили. Я не верю, что у Алекса есть любовница. Не хочу в это верить – это был бы уже не мой брат. Ты сама пишешь, что ваша интимная жизнь никогда не была особенно бурной. Просто у вас такая любовь: сердечная, душевная. Помнишь, я писала про разные виды любви? Так вот, такая – вполне годится для семьи. Ну нет идеала, нет. Редко встречается всё в одном флаконе. Я уверена, что Алекс никогда – слышишь, никогда – не сделает тебе больно. Он очень тебя уважает. Он любит тебя – на свой лад, да, но любит. Тебе решать, сможешь ли ты этим довольствоваться.»

«...не молчи, Эмили. Чем дольше ты молчишь, тем больше вы будете друг от друга отдаляться и потеряете даже то, что есть. Может, я плохой советчик: держаться за то, что есть не принесло мне счастья. Но то я, а то вы. Вам стоит бороться, вам можно бороться – не то что мне...»

Он проснулся в собственной постели, полураздетый, ничком на разбросанных листах Аниных писем, с головой весом в центнер, перекатывающийся к тому же между висками. Солнечный свет из щели между задвинутыми занавесями резал глаза. Три пустые бутылки десятилетней Риохи Резервы у тумбочки говорили сами за себя. Кажется, в конце он просто пил из горла – вон валяется ненужный бокал. И кажется... кажется посреди ночи вспыхнул свет, он увидел широко распахнутые глаза Эмили, что было потом?.. Он покосился на часы: полдевятого. Ещё можно встать, тихо вернуть письма на место – хотя, если Эмили его видела... правда, скоро придёт горничная. Ещё можно проглотить пару таблеток и сбежать на работу от неминуемого объяснения. Внутри у него всё сжалось, между висками прокатилась боль. Какого спрашивается, чёрта, он нажрался в стельку – это при его нежелании и неумении пить? Давя тошноту, он медленно спустил ноги на пол, потом поднялся и на шарнирных ногах пронёс себя в ванную, нашарил в шкафчике анальгетик, умылся и почистил зубы – густой перегар только подталкивал содержимое желудка наружу. Вернулся к себе, собрал письма в более-менее аккуратную стопку, хоть и не по порядку, положил их на журнальный столик у окна. На цыпочках вынес бутылки и бокал на кухню, пройдя в кабинет и плотно закрыв дверь, позвонил своей секретарше: «Грэйс, я прихворнул. Нет, ничего страшного, но надо отлежаться. Перенеси всё что можешь на... на следующую неделю. Всё равно завтра уже пятница. Да, да – почему-то всегда страдают выходные.» – и

положил трубку, отёр холодный пот со лба, подождал, пока комната перестанет вертеться, а жёлчный комок опустится из горла обратно в желудок, осторожно вернулся в спальню, разобрал постель и улёгся досыпать. Ему до смерти надоело врать. Даже если Эмили не догадается сама, он скажет ей всю правду – как бы постыдна она ни была. А для этого ему нужно быть трезвым.

Уже в полусне, не поднимая головы и едва приоткрыв глаза, Алекс пробормотал заглянувшей горничной «тут не надо», закачался и провалился в сон, чтобы очнуться с головой, чистой и лёгкой, пустой как и желудок, заявивший о себе зверским голодом. Часы показывали семь вечера, Эмили наверняка уже дома. Стоя под душем, он готовил фразы, которые должны были объяснить жене, что ни в чём, абсолютно ни в чём не было её вины. Это его вина – и беда, – что он полюбил женщину, которую любить было нельзя, не так как он её любил. Это вина – и беда Ани, – что она любила его и надеялась. Это вина и беда их родителей, что они не смогли воспитать детей рядом друг с другом, что – оберегая их от больших травм – разделили их и сделали чужими. Это их с Аней вина и беда, что затаившееся детское горе прорвалось любовью к человеку, испытавшему то же самое и понимающему без слов всё, что не могло быть высказано...

Он забыл все эти фразы, когда – выбритый и одетый, пройдя в салон, – увидел несчастное лицо Эмили, её потерянную маленькую фигурку на фоне окрашенного закатом окна. Она взглянула на него лишь коротко, потом отвернулась к окну, зябко охватив себя за плечи. Сгорая от стыда – нет, не из-за Ани, а из-за того, что он всё таки умудрился причинить боль этой доброй, понимающей, любящей, доверившейся ему женщине – он сел на диван и спрятал лицо в руках.

– Ты меня никогда не обманывал, – сказала Эмили после долгого молчания, полувопрос-полуутверждение, произнесённые сиплым от слёз голосом, и Алекс поднял голову в недоумении. – Ты никогда не врал, говоря, что идёшь к Ане. Просто у меня не хватило... фантазии, чтобы увидеть... мне больно, Алекс, очень больно. Если бы я не догадывалась, как больно должно быть вам обоим – любить и не иметь на это права... если бы... я не обижаюсь... мне просто больно... очень. Я не виню тебя... я верю, что ты меня любишь... как... как сестру... не как Аню, а как... как положено любить сестру... меня...

Она всхлипнула и замолчала, но собралась с силами и, глубоко вздохнув, продолжила тихо и неожиданно уверенно:

– Меня это не устраивает... Я не могу быть тебе сестрой – я люблю тебя. Поэтому – уходи. Не мучь меня, Алекс.

Он поднялся и направился к ней, хотел обнять и утешить, но Эмили остановила его:

– Нет. Не надо. Я знаю, что это искренне, но мне этого мало. Я отдала тебе всё – и хочу всё взамен. Или так – или ничего. Вообще ничего. Ключ от вашего дома лежит в прихожей. Вещи я тебе собрала.

Он ушёл. Отматывал привычные 80 километров до дома в лесу перед Вестлоком, снова и снова вяло удивляясь тому, что обе женщины, которых он любил, которые любили его... обе оставили его... отпустили... как там было у Брехта?.. А он так и не смог сделать выбор, плёлся в хвосте событий, изо всех сил стараясь соответствовать... чему?

Не зажигая света, Алекс поднялся в свою комнату, бросил сумку на кровать, постоял в сумерках, пялясь на чёрное пятно посреди светлого покрывала, прошёл в Анину

комнату и плюхнулся на её постель. Предстояло обдумать следующие шаги, поломать и заново выстроить жизнь, прикинуть, из каких денег он будет жить, и когда сможет уехать в Вену, как найти там Аню, не прибегая к помощи Эмили – адреса он, трижды пьяная скотина, не запомнил... он задремал, но пустой желудок напомнил о себе оглушительным бухтением. «Стареешь, Триллиан», проворчал Алекс вслух, направляясь к машине. Чего-чего, а поесть он всегда любил и никогда не забывал.

Как и следовало ожидать, Эмили избегала его и общалась только через посредников. Тем более удивился Алекс, когда под зорким взглядом мистера Леви, семейного адвоката, сухонького маленького седого старичка, вычитал в проекте заключительного договора, что брак расторгается по его инициативе, сохраняя ему все полномочия и доходы. «Это что?» спросил он мистера Леви. «Так пожелала мисс Эмили», ответил старичок, не скрывая неодобрения. Леви с неприязнью отнёсся к вторжению Алекса в семью и фирму его многолетних клиентов, и продолжал называть Эмили ‚мисс‘, как незамужнюю женщину. «Я должен поговорить с ней» – «Мисс Эмили не желает с вами общаться» – «Зато я желаю», отрезал Алекс и притянул к себе телефон, начал набирать мобильный номер Эмили. «Это что?» – повторил он в трубку, услышав осторожное ‚хэлло?..‘ «Ты о чём?» – «О заключительном договоре. Почему по моей инициативе?» – «Иначе непременно начнут говорить, что ты начал мне изменять...» – «...и будут правы...» – «Нет. Я этого не хочу», сказала Эмили и положила трубку. Алекс посидел, потирая лоб, игнорируя цепкий взгляд старикашки. «Значит так, – посмотрел он в карие, живые не по возрасту глаза. – Или по обоюдному согласию, или никак. Все должности я с себя снимаю, денег мне не надо.» Седые брови Леви медленно поползли вверх. «Я прожил двадцать лет с Эмили не из-за денег или власти. Зовите свою секретаршу и стряпайте новую версию. Что вы устались? Не верите? Ваши проблемы». Леви шумно глотнул, прикрыл глаза и снова посмотрел на него – теперь в его глазах светилось любопытство. ‚Как будто сменили сцену за занавесом‘, подумал Алекс. «Мисс..ис Эмили может не согласиться...» – «Это ведь ваша работа, согласовывать желания клиентов. А я пока что ваш клиент. Действуйте», сказал Алекс уже стоя, прежде чем покинул старый, обставленный антикварной мебелью кабинет.

В итоге развод был оформлен ‚по обоюдному согласию‘, но по совету внезапно подобрешего Леви Алекс принял отступные, полагающиеся ему за 5 лет на посту директора издательства. Эти деньги он мог взять – они были честно заработаны. Сумма была шестизначная, достаточная на 2 года привычного существования, лет на 10 – существования скромного, но безбедного. Алекс решил оставить всё для Вены – неизвестно, когда и где он сможет там начать работать, запас на первое время не помешает. Но это потом, а до тех пор – пока договор вступит в силу, пока будут выплачены деньги, пока оформляется виза, пока он найдёт привратника для дома (не просить же об этом Эмили) – до тех пор ему стоило подыскать работу, никак не связанную ни с журнализмом, ни с книгоиздательством. Иначе ему не избавиться от чувства, что семья Эмили всё ещё направляет его жизнь. Неожиданно пригодились знания, приобретённые скорее по нужде сразу после университета: единственное бюро путешествий Вестлока искало клерка.

Это было в марте. А 29 июля он уже летел в Австрию, чтобы по дороге из Швехата в Вену приложиться головой к боковому стеклу – и забыть всё...

## 3.

Алекс сидел, вытянув ноги и откинувшись на спинку лавки, раскинув руки по обе стороны спинки. Девушка из консульства продефилировала мимо него в одну сторону, потом – в обратную, неизменно улыбаясь. Перерыв у неё, что ли?.. Солнце давно уже перевалило через верхушку липы перед ним и висело теперь с правой стороны кроны, опалая пустой из-за дневной жары сквер, а он всё сидел, перебирая воспоминания, копаясь в возрождённом прошлом. Конечно, ему ничего не стоило поверить в Анины истории – он знал их и раньше, знал, что под ‚мальчиком‘, которого Аня ‚должна была помнить из детства‘, подразумевался именно он, и насчёт ‚сестры‘ Эмили она тоже не так уж много приврала... он сам жил... сколько же?.. почти восемь лет с этой ложью. И всё же... всё же... всё же... что?

Резкое, хлёткое как удар бича, слово возникло и развернулось пружиной, вспоров полотно памяти, водрузилось, мелко и мерзко дрожа, над разодранными иллюзиями понимания, сочувствия, любви. Стыд и внутренняя гадливость овладели им – так давно и так старательно игнорируемое чувство прорвалось из-под наслоений другого стыда, других страхов... Алекс подобрал ноги и, упёршись локтями в колени, охватил руками голову, борясь с подступающей тошнотой. Амнезия не прошла бесследно в тот момент, когда вернулась память. Амнезия заставила его взглянуть на собственную жизнь со стороны, издалека, показала ему с деловитой жестокостью то, что изнутри казалось естественной чередой мелких уступок. Амнезия показала ему суть: *инцест*.

Он вернулся домой, когда на посиневшем небе стали вылупляться первые звёзды. Аню он нашёл на террасе – она обернулась, слышав шаги: «Алекс!..» и запнулась, увидев его лицо. Он неторопливо прошёл к столу, сел параллельно Ане, уставился на чёрные крыши. «Как ты узнал?» прозвучал еле слышно вопрос. Он закрыл глаза. Она опять всё вычислила лишь по его лицу. Или почувствовала. «Затребовал документы. Я таки хотел жениться, видишь ли...» – «Прости меня, Алекс» – «Пустое! Я хотел обмануться, но...» – «Но?..» – «Правда, Аня, такова: то что мы тут творим, это...» – «Инцест?..» – «Это стыдно» – «Это любовь – в ней нет ничего стыдного». Он усмехнулся: «А если бы я *полюбил*, скажем, козу?..» – «Мы оба люди, Алекс», ответила Аня неожиданно резко. Конечно, он сморозил глупость. «Прости.» – «Итак, тебе стыдно?.. Опять?» – «Всё ещё. Я просто заткнул этот стыд подальше, уменьшил число проблем...» – «...спрятал голову в песок.» – «Наверное так. Что будем делать, Аня?» спросил он – и испугался, взял бы слова обратно, если бы мог: последний раз после этих слов Аня исчезла из его жизни. «Дай подумать», ответила она словно нарочно так же, как и годы назад. Алекс внезапно почувствовал облегчение: им нужно расстаться – другого выхода попросту нет. Он проводил взглядом сестру, которая встала и отправилась в комнату. У двери она обернулась: «Ужин на кухне. Ложись спать».

Есть не хотелось. Алекс посидел ещё на террасе, спиной к квартире и лицом к восходящей луне, пока не увидел, что Аня включила и через несколько минут погасила свет в спальне. Тогда он прошёл в одну из комнат для гостей, открыл было шкаф, чтобы достать постельное бельё, да передумал, лёг на широкую кровать поверх лоскутного покрывала. Ночь обещала остаться тёплой.

Он так и не заснул, опять и опять перебирая воспоминания, пытался понять, что могло быть иначе, где случилась ошибка, что можно ещё сделать – и не пришёл ни к чему. Стыд и бессилие опять проснулись в нём, – стыд за недозволенное чувство,

бессилие это чувство подавить. Как убежать от себя? Разве что бахнуться снова головой... Уже утром он слышал, как Аня повозилась на кухне, потом она зашла в его комнату – он сделал вид, что спит – поцеловала его в лоб, положила на мгновение голову ему на грудь. Он услышал «я люблю тебя» и скривился, зажмурился как от боли. Она поднялась, вышла. Потом захлопнулась наружная дверь. Он встал, побродил по квартире, прощаясь, собрал свои вещи, взял паспорт со стола, осмотрелся в поисках злополучных свидетельств, но не нашёл, махнул на них рукой и поехал в аэропорт. На сегодняшние рейсы билетов уже не оказалось, но было место в 5 вечера следующего дня, через Монреаль. Он снял комнату в гостинице при аэропорте, успел ещё позавтракать и, поднявшись в номер, завалился на кушетку, да так и заснул под бормотание телевизора. Очнувшись уже в темноте, он не сразу понял, где находится. Потом вспомнил. Как и 20 лет назад, он удирал от Ани. Без слова объяснения, не простившись. Телефон стоял на тумбочке рядом с кушеткой. Алекс включил свет, пролистал гостиничную телефонную книгу, нашёл как выходить на городскую линию.

Ани не было дома. Это было странно и чем больше он об этом размышлял, тем тревожнее ему становилось. Он еле вытерпел час – опять никого. Ещё полчаса – снова длинные безнадежные гудки. Конечно, Аня могла оказаться где угодно – у друзей, да хоть у того же сокурсника, например, или просто слоняться по городу, собираясь с мыслями. В полночь он не выдержал и вызвал такси. Пришлось будить соседей, потому что ключ свой он по детской памяти положил под коврик у входной двери. Господи, хотя бы это он мог Ане написать! Аня не пришла ни в 2, ни в 3, ни в 4... Он метался по квартире, подозревая беду, еле дождался утра и позвонил ей на работу. «Она в отпуске, уже со вчерашнего дня.» Хорошо, хоть догадался спросить, когда ей возвращаться: Аня взяла неделю. Он чуть успокоился, потом начал злиться на её сумасбродность – пока не вспомнил, что вчера он сбежал вообще без следов, а в кармане у него лежит билет на самолёт, отправляющийся, кстати, всего через 6 часов. Он зашёл в ванную и уставился на своё отражение в зеркале, на осунувшееся посеревшее лицо, сухой лихорадочный блеск в глазах... Маньяк. Побриться бы. В дверь позвонили, он помчался открывать, споткнувшись и чуть не упав на коврике в длинном коридоре, и уже по дороге сообразив, что у Ани должен быть ключ, но распахнул дверь, даже не взглянув в глазок...

Двое мужчин: униформированный полицейский повыше и помощнее и другой, лысоватый, невысокого роста, в гражданской одежде, протягивал Алексу бирку с гербом. «Александр Джеймс Триллиан?» Алекс кивнул. «Вы говорите по-немецки?» Алекс кивнул опять, не позволяя разливаться подозрению, пытаясь сохранить холодную голову... «Что случилось?» – «Мы можем войти?» Он отошёл от двери, впусти полицейских в квартиру, боясь спросить, в чём дело. Они не стали ждать его вопросов.

Вчера утром Аня сняла комнату в тихом маленьком гостхаузе недалеко от Вены. Зарегистрировалась под собственным именем, кивнув на сумку от ноутбука, сказала, что хочет поработать, пусть её не тревожат. Хозяйка гостхауза заулыбалась, «как вам будет угодно». Утром горничная постучалась, не услышав ответа, вызвала хозяйку, дверь после повторных стуков и криков вскрыли. Рядом с кроватью, в открытой сумке от ноутбука вместо компьютера нашли пустые пачки снотворного. Конец наступил не позже полуночи.

Ему не хватало воздуха. Он задышал мелко и часто, и вдруг из груди его вырвался и заглох хриплый отчаянный рык. Кто-то сунул ему под нос стакан воды, он оттолкнул руку – и одеревенел. Провалился в никуда. Не слышал, не видел, не чувствовал ничего. Мир прорывался к нему медленно поначалу, потом всё стремительнее и вдруг водворился на

место, встал с беспощадной ясностью. Напротив него сидели два полицейских, один – в униформе – тактично отвёл глаза, второй внимательно изучал его лицо.

Потом посыпались вопросы, нескончаемый ряд... но как бы Алекс не настаивал на том, что он убил Аню, искупления ему не полагалось. В графу ‚причина смерти‘ легло ‚самоубийство‘. Шатаясь на грани бреда и реальности, из каких-то неведомых сил совершая необходимые действия, он набрал номер отца, чтобы сообщить: его сын убил его дочь. Трубку подняла Мэри-Энн, подруга старика, он попросил отца – она расплакалась в телефон: Энтон опять в больнице, второй инсульт, может не выжить. Как раз сегодня она собиралась звонить Эмили, чтобы узнать их с Аней адреса. Алекс положил трубку, так ничего и не сказав.

Похорон не было, была кремация. Он сидел один в зале, опять провалившись в спасительное небытие, сквозь которое едва проступала реальность. Потом ему вынесли урну. В тот же день он улетел в Канаду.

Он мог бы успеть на похороны отца, но не поехал. Он заперся в доме, и сидел часами, глядя на урну, установленную на столе в гостиной, вечерами поднимался в Анину комнату и лежал без сна, положив урну рядом с собой. О смерти Ани он так никому и не сказал.

\*

Месяц непрерывного траура сделал своё дело. Рана затянулась. Алекс перебрался в собственную комнату, а урна осталась стоять на столе в Аниной. Временами он заходил туда, усаживался на стул и беседовал с Аней, но это случалось всё реже. В октябре он начал искать работу, месяц спустя уже редактировал районную газету. Смешно, да. Но работа не интересовала его. Избыток свободного времени он посвящал чтению Аниных переводов, совершенствованию немецкого языка, а в апреле – после долгих уговоров директора местной средней школы, по совместительству учителя литературы и автора регулярных заметок из жизни славного города Вестлока – согласился всё же с нового учебного года попробовать себя в роли учителя географии. Пару раз он съездил в Эдмонтон, ходил по книжным и музыкальным магазинам, но всегда торопился домой. Отчасти и потому, что чувствовал: когда-нибудь он должен будет покинуть этот дом, иначе он так и останется жить в прошлом. Но время пока не пришло. Вот когда он научится спать без снотворного – тогда...

В мае, во время очередной вылазки в Эдмонтон, он совершенно случайно столкнулся на улице с Эмили. Она выглядела замечательно, излучала спокойную, умиротворённую радость счастливой женщины. «Тебе надо было выгнать меня намного раньше», усмехнулся Алекс. «Может быть, – ответила она серьёзно. – Я познакомилась с одним коллегой, вскоре после развода. Он очень славный человек, – улыбнулась Эмили, усаживаясь в близлежащем кафе, куда она завела Алекса, сославшись на обеденный перерыв, – не такой видный мужчина как ты, но... он любит меня, так же, как я люблю его... Эдвард признался, что не осмеливался со мной познакомиться, потому что боялся сравнения с тобой. А почему ты в Эдмонтоне? Ты выглядишь неважно, Алекс, вон и седина уже появилась. Неужели не сложилось с Аней?» – «Не сложилось», ответил он. «Господи, как обидно, – сказала Эмили, и в голосе её звучала искренняя забота. – Я думала, раз уж всё выяснилось....» Он вяло улыбнулся: выяснилось, да. Потом

забылось, запуталось и выяснилось опять – резче и больнее, чем когда-либо... она должна пройти, эта боль...

«...бедная, бедная женщина,» продолжала между тем Эмили рассказ, начало которого он пропустил. «Кто?», спохватился он. «Ольга... Знаешь, поначалу я выбрала её козлом отпущения, человеком, которого можно обвинить во всём – мне так нужно было кого-нибудь обвинить. Понимаешь?» Он не понимал, но это не играло роли, поэтому просто кивнул. «В самом деле, ну глупая, примитивная баба, вцепившаяся в профессора, потому что это ей казалось верхом мечтаний.» Наверное, он должен был бы возмутиться, речь шла всё-таки о его матери, но к ней у него не осталось никаких чувств. «...Но сначала увидеть, как тебя начинает презирать муж, потом потерять ребёнка, пусть даже уродца, родить и увидеть, как его... умерщвляют... как тут не спиться?..» Он совсем потерял нить. Какого ребёнка? Когда потерять? «Ты о чём, Эмили?» удивился он. «Про мальчика. Постой, вы получили моё письмо?» Одно получили. И сожгли, не прочтя – потому что он панически боялся писем... «Которое?», спросил он на всякий случай. В глазах Эмили появилась растерянность: «То, что я писала после первого инсульта Энтона, в июле – или уже в августе? – прошлого года. Я больше и не писала, думала, вам не до меня. Кстати, Мэри-Энн очень обижена, что вы не приехали на похороны отца.» – «Мы не успели, – сказал он. – Так что там было, в том письме?» Эмили выпрямилась на стуле и вцепилась руками в край стола, посмотрела ему прямо в глаза. «То, что в роддоме вместо недоношенного и умерщвлённого калеки усыновили брошенного младенца – тебя. Алекс, что с тобой?..»

Он заставил себя сидеть и кивать, пока Эмили повторяла всё то, что пало жертвой огня и страха на венской террасе. Инсульт отца, ещё свежая после развода обида Эмили на Ольгу, укор Мэри-Энн, история смерти ‚уродца‘ и усыновление анонимно рождённого и оставленного в роддоме младенца... «Вы с Аней не родственники, понимаешь? Не кровные... О господи, Алекс! Аня-то об этом знает? Ты должен, просто обязан ей об этом сказать, немедленно!» Он поднялся со стула: «Я должен идти.» – «Конечно, конечно. Передавай ей привет.»

Он вернулся домой, проглотил купленную вчера пачку снотворного, устроился на постели в Аниной комнате, и обняв урну, прошептал с улыбкой: «знаешь, Аня...»

КОНЕЦ

## ПРИМЕЧАНИЯ

---

Т.н. «молитву о спокойствии» чаще всего приписывают теософу Фридриху Кристофу Ойтингеру (Friedrich Christoph Oetinger, 1702-1782), однако, Еберхард Цвинк (Eberhard Zwick, Отдел старинных и редких рукописей Библиотеки земли Вюртемберг в Штуттгарте) показал, что текст был создан теологом Райнхольдом Нибуром (Reinhold Niebuhr) во время второй мировой войны. *Источники:* [Wikipedia](#), [Württembergische Landesbibliothek Stuttgart](#).